

ПОРТРЕТЫ ЛЮБИМЫХ

Андрей Вознесенский вперёдсмотрящий, виртуальный и вещий *Независимая газета. — 1998. — 16 июля. — с. 74*

Александр Вознесенский

Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. — М.: Вагриус, 1998. Серия «Мой XX век».

ДВАДЦАТЫЙ век склоняется «Вагриусом» на все лады. Подоспело и слово Андрея Вознесенского. Нервное, хаотичное, переливчатое и цельное. Кажется, эта книга и сложилась-то в книгу лишь волей издателя — творить ее можно было бы вечно. Но — она именно складывалась, по мастеровому — как вырастает из бывших когда-то корявыми стволами бревен дом на залитой солнечным светом поляне жизни. По досочке, по реечке — выше стропила, плотники!.. Вознесенский строит и перестраивает, строгает и пилит — и чит рубанок (вовсе не символический), подаренный ему американским сенатором и поэтом Юджином Маккарти...

Поэзия — то же строительство, та же любимая автором архитектура, но не бездушно-железобетонная, а восходящая к ключам жизни, силам земли, неба, труда и солнца, к мистическим прозрениям и золотым сечениям духа. Поэзия — особый способ познания мира, существующий наряду с научно-техническим, религиозным, этическим и т.д. Особый, но не обособленный, вмещающий в себя все иные способы. Весь мир для поэта построен на созвучии — времен, мыслей, странных переплетений судеб, живого, мертвого — и снова живого.

Так и Андрей Вознесенский, живя познанием мира и людей его, готовит свой неповторимый коктейль — нет, не сшибающий с ног, но дарующий воскрешение. И здесь Вознесенский — вопреки прижившейся в восприятии публичности жеста поэта-экстраверта — предстает прежде всего человеком впитывающим: жадно вглядывающимся в собеседника, слушающим, читающим — не мимо, но вперёдсмотрящим... Он «расковыривает» пласты культуры, фоновые (а пожалуй, и корневые) для его поэзии и самого склада мысли — от серебра начала века до кислоты конца, — добывая людские самородки, связи, гроздя талантов, стремящихся к гениальности. — и выставляя нам на показ — кого «нарыл». Виртуальная галерея вместит всё и всех.

А ведь с кем на своем двадцатом веку только не пересекся, с кем только не выпивал-закусывал, не перекидывался словом, эпиграммой, остротой, с кем, наконец, ни тусовался Андрей Андреевич Вознесенский? Наверное, легче-то ему сказать, с кем не... Да есть ли такие? Вот разве с Набоковым не привелось. «Встретиться было просто, но мешала некая целомудренность». Суров был старик. Отсоветовали. «Ну как вы поступите, Андрюша, если он при вас будет ругать Пастернака?»...

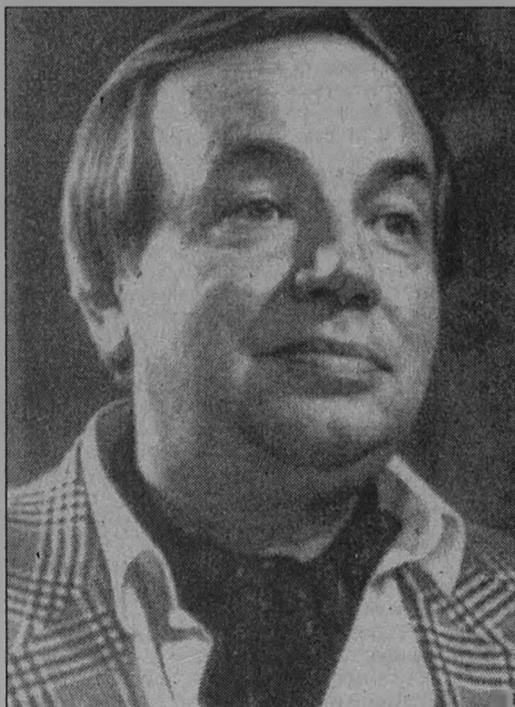
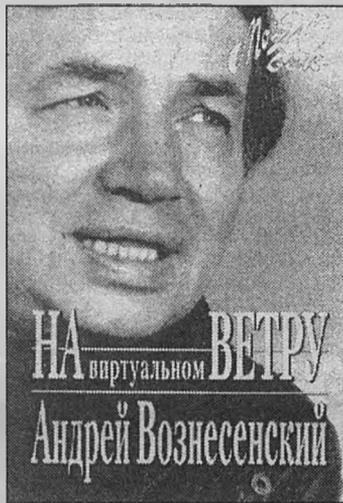
Остальные — в этой книжной обложке, виртуально перетекая один в другого, другую. Камю — в Сартра. Бретон — в Мишо.

Арагон тоскует по любимой Эльзе. Лоб Дилан боится участи Бон Дина. Лиля Брик звонит из Парижа Асееву. С Алленом Гинсбергом в Австралии. С аборигенским поэтом Уанджюком — в Москве. Наедине.

Вот Солоухин, радужный друг и вечный оппонент. Любимые Рихтер, Аверинцев, Гребенщиков, Высоцкий... Вот с Хайдеггером бредет по заросшим тропинкам мысли. Вот теплые, взвешенные слова о Евшушенко: «Увы, его есть в чем упрекнуть — но не вам же!». «Властитель чувств» Окуджава: «память народа хранит в сердце стихи. Но нужно создать музей Булата Окуджавы».

Продавец Хлебникова Крученых — черезстранный сосед Пастернака, встречающегося с Мандельштамом у гроба Ленина. Вот Пастернак и Сталин... Пастернаком переливается тот же Набоков... Образ переплавляется в образ. Слово цепляется за слово, перепрыгивая с одного на другое и вновь возвращаясь в строку...

Кота Бродского звать Миссисипи. Трехшерстку Вознесенского — Кус-Кус. Глаз поэта загорелся: «О,

это поразительно. Поистине в кошке есть что-то арабское. Ночь. Полумесец. Египет. Мистика».

Все перемешано — и все на своих местах в реальности Вознесенского. Рядом — шека к шеке, обшлаг к обшлагу — Рейган и Валентино: американский президент зазвал русского поэта, и вот беседует, восхищаясь элегантным пиджаком — где, мол, шили? «Я не мог патриотично содрать, как подобало советскому гражданину... Ведь они могли лейбл посмотреть...» И в конце главы: «Ну, а когда я приехал в Рим, от Валентино мне подарил новый пиджак. За вкус, вероятно».

Единый поток культуры облеплет Вознесенского то пиджачным рукавом, то «легкостью барковской интонации» «Онегина», то обернется вдруг занесенным кулаком Хрущева, — и выносит в самые дальние виртуальные дали. И чуть ли не на каждой странице аллюзия, скрытая (а то и явная) цитата, ссылка, и — мысль — пусть иной раз и чужая, заимствованная, — но затем и живет поэт, чтоб транслировать чужое — ну, хоть, Божье... Чужую боль поверять своему...

Но — ужас. Нет ничего более непоправимого, чем смена времен. Не года — лет. Книга уже нуждается в комментариях. Новый читатель (пришедший в чтение с этих самых новых времен) не поймет и половины «подоплеки». Зато узнает кой-какие имена — в бегущих через всю книгу строках «надзаголовков» глав мемуара. Это не реконструкция реальности, не учебник новейшей литературы-искусства-культуры. Это оживление лиц. Хотя знаем: отнюдь не фотографичен взгляд любого мемуариста.

Впрочем, от последнего определения в свой адрес Вознесенский открещивается: это, мол, никакие не мемуары — рано еще! И верно: он не профессиональный вспоминающий, выстраивающий хронологию, навешивающий ярлыки характеристик: людям, годам, судьбе. Скорее он просто говорит — наговаривает, блуждая по временам и континентам, сбиваясь с пейзажа на портрет, с живописи на легкую зарисовку, с фигуры на лицо. Лица людей по одному ему известному критерию он складывают в мозаику отдельной главы — и ведь уютно оказывается всем вместе на тесной Земле. Ну, а для иных — «немозаичных» — отдельная глава, «виртуальный монумент»... Самому Вознесенскому отдана в безраздельную власть целая книга, им же и сколоченная, — в пространствах которой порхает, радуясь новой встрече с чуть ли не самозарождающимися в его реальности персонажами: вечно живыми.

Реальность прошлого перелетается с реальностью рутины настоящего, реальность реальная — с виртуальной. Все течет, все меняется — но что-то остается навсегда. «Мне приходилось беседовать со многими значительными мыслителями столетия. Стиль речи каждого говорят о неповторимой личности». Стиль речи Вознесенского говорит о говорящем — но не моно-, а диа- и даже полилогически: автор, воскрешая собою своих персонажей, говорит с ними живыми, бывает, сталкивает их между собой; беседует, обсуждая что-то и сам с собою — и с читателем, участвующимся вдруг участником потока вознесенского сознания — впрочем, равноправным, со своим, слышимым голосом. В том смысле, что ничто не навязано — сбой и неровность текста так же органичны, как и дыхание. Читать на удивление не скучно — хотя, казалось бы, те же события и времена прошли на глазах у большинства ныне живущих и мыслящих порусски. И вроде бы все уже сказано — но не с той любовью к жизни (и болью за гадость ее), которой только и дышит Поэт. Впереди его ждет любовь.

С годами горло поэта мерзнет все больше...